

ИННА

Прованская

После  
**РАЗВОДА**  
Моего  
**ОСКОЛКИ СЕРДЦА**

18+

# **Инна Вронская**

## **После Развода.**

### **Осколки Моего Сердца**

*<https://litres.ru/74216154>*

*SelfPub; 2026*

#### **Аннотация**

Сегодня в парадном кителе мужа я нашла детский рисунок с кривыми буквами и подписью «Любимому папе». Это стало для меня доказательством его тайной семьи — другой женщины и маленького сына, о существовании которых я не подозревала.

Но Артём даже не дрогнул. Он спокойно бросил рисунок в камин и с ледяным сожалением объявил, что мой переезд сюда и возраст лишили меня рассудка. Когда я потребовала развода и раздела имущества, он вынес приговор: меня признают психически нездоровой, изолируют на гауптвахте и передадут военным психиатрам. Для моего же блага, как он сказал. И для сохранения государственной тайны, к которой я, будучи его женой, имела доступ.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 4  |
| Глава 2                           | 9  |
| Глава 3                           | 17 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 24 |

# **Инна Вронская**

## **После Развода.**

### **Осколки Моего Сердца**

#### **Глава 1**

Я поправляю серебряную заколку в волосах и в сотый раз смотрю в зеркало. Темно-синее платье должно быть безупречным, как и все сегодня. Инспекция из Москвы — это не просто проверка части. Это смотр моей жизни, моей роли — образцовой жены командующего.

В гардеробной пахнет строгостью. Я достаю его парадный китель. Тяжелый, шершавый, усыпанный рядами орденов, которые холодно бьют по ладоням. Он висит на плечиках как доспехи, как вторая кожа человека, которым я замужем пятнадцать лет. Мои пальцы автоматически скользят по швам, смахивают невидимые пылинки. Ищу все, что может нарушить идеальную картину.

Потайной кармашек у ворота — его причуда. Туда он кладет самое важное.. Я расстегиваю пуговицу, ввожу знакомый код на крошечном замке. Мои пальцы нащупывают не холодный пластик, а бумагу. Мягкую, тонкую, сложенную в несколько раз.

Я вытаскиваю ее. Разворачиваю.

И мир перестает вращаться.

На листе — детский рисунок. Акварелью. Кривой, но радостный кораблик, плывущий по синим волнам-загогулинам. А сверху, печатными, корявыми, выведенными с невероятным старанием буквами:

ЛЮБИМОМУ ПАПЕ.

Воздух выходит из легких. Комната плывет. Я цепляюсь за китель, и звезды на погонах вливаются мне в ладонь. Ледяная волна поднимается от копчика, сковывает позвоночник и ударяет в затылок. В ушах — гулкая, оглушительная тишина.

Это не случайность. Не чья-то шутка. Это улика. Оставленная самим мирозданием прямо в сердце его крепости.

Дверь в гардеробную открывается. Он заполняет проем. Артем. Даже сейчас, за час до приема, он выглядит так, будто только что сошел с плаката Министерства обороны. Ростом под метр девяносто, широченные плечи, которые не гнутся даже под тяжестью всех его звезд. Его форма — повседневная — сидит на нем как влитая, подчеркивая каждую мышцу, каждую линию его атлетичного, могучего тела. Волосы, темные с благородной проседью у висков, коротко стрижены. Лицо — не лицо, а работа скульптора, влюбленного в силу и власть: высокий лоб, резкие скулы, твердый, решительный подбородок с едва заметной ямочкой. И глаза. Серые, цвета холодной стали перед боем. Глубокие, всевидящие, лишен-

ные всякой суеты.

Сейчас в них — легкое, привычное мне раздражение.

— Ты застыла здесь, как памятник? — Его голос низкий, бархатный, с той самой металлической ноткой, которая отдает приказы тысячам людей. Он делает два шага, и его присутствие физически давит на меня, заполняя все пространство маленькой комнаты. — Все готово? Фуршет проверен? Цветы расставлены?

Я сжимаю бумажку в кулаке за спиной. Кораблик шуршит, протестуя. Моя рука дрожит. Я чувствую, как краска прилипает к потной коже.

— Да, — мой собственный голос звучит чужим, плоским. — Все готово.

Он подходит ближе. От него пахнет морозным воздухом, дорогим одеколоном с нотками кожи и чего-то неуловимого, только его — сильного, мужского, властного. Запах, от которого когда-то кружилась голова. Сейчас он вызывает тошноту.

— Что с тобой? — Он пристально смотрит на меня. Его взгляд скользит по моему лицу, будто сканируя на предмет сбоев. — Ты бледная.

— Ничего. Просто... устала от подготовки.

— Соберись, — говорит он, и это не просьба. Это мягкий, но не допускающий возражений приказ. Его рука поднимается, и большие, теплые пальцы касаются моей щеки. Шершавая кожа, знакомая до боли. Жест, который должен быть

нежным, но в нем — собственническая проверка. Все ли в порядке с его вещью. — Твоя задача сегодня — сиять. Быть украшением. Показать московским гостям, что у меня все идеально. И дом, и ты. Поняла?

Каждое слово — гвоздь в крышку гроба моих иллюзий. Украшение. Идеально. Показать.

Я глотаю комок, который подступает к горлу, и заставляю себя кивнуть. Губы пытаются растянуться в подобие улыбки. Получается гримаса.

— Поняла.

Он изучает меня еще секунду, потом кивает, удовлетворенный. Его рука опускается.

— Через сорок минут выходи. Не опаздывай.

- Ника?

- Да?

- Я люблю тебя.

Он разворачивается и уходит, его тяжелые, уверенные шаги гулко отдаются по паркету. Дверь закрывается.

Я разжимаю онемевшие пальцы. Бумажка падает на пол, разворачиваясь. Кораблик. Эти буквы.

ЛЮБИМОМУ ПАПЕ.

Я медленно опускаюсь на колени перед висящим кителем. Моя рука тянется и хватает ткань. Я впиваюсь пальцами в грубую шерсть, в звезды на погонах, в весь этот мертвый, блестящий символ его власти.

— Папа... — шепчу я в тишину гардеробной. Слово об-

жигает губы. — Чей папа, Артем? Чей?

Ответа нет. Только запах его одеколона, все еще висящий в воздухе. Запах лжи. Запах моего конца.

Я поднимаю рисунок. Акварель размазалась от моих пальцев, синяя краска поплыла, как будто кораблик тонет. Я аккуратно складываю листок, прячу его обратно в потайной кармашек. На свое место.

Пусть лежит. Пусть ждет.

Я поднимаюсь, подхожу к зеркалу. Поправляю платье. Сглаживаю непослушную прядь волос. Смотрю в глаза женщине в отражении. В глаза, которые теперь знают правду.

Через сорок минут я выйду. Буду сиять. Буду украшением. Буду идеальной женой генерала Леонтьева.

## Глава 2

Паники нет. Ни капли. Она растворилась вчера вечером, уступив место холодной и отчетливой ясности. Эта ясность лежит во мне сейчас, как клинок из полированной стали. Острый. Неумолимый.

Я смотрю на стопку книг на сиденье рядом. «История флота». «Уставы». Скучные, толстые тома, прикрытые для моей маленькой разведывательной операции. Сердце бьется ровно, громко, отстукивая ритм: прав-да, прав-да, прав-да.

Кордон «Скала». Именно туда он ездит так часто в последний год. «Укрепление отдаленного участка, Вероника. Там бардак, нужно наводить порядок лично». Его голос, низкий и уверенный, звучит у меня в голове. Бардак. Порядок. Ложь. Она была вплетена в каждое слово, а я, слепая, восхищалась его преданностью службе.

Машина подпрыгивает на колдобине, выбивая меня из раздумий. За окном мелькают однообразные сосны, серое небо, припорошенные снегом обочины. Еще пятнадцать минут, и мы будем на месте. Я глажу пальцами замшевую обложку книги. Мои руки не дрожат. Удивительно. Внутри — ледяная пустота, а пальцы — послушные и твердые.

Вот и КПП. Убогий шлагбаум, будка, молодой солдат в тупе. Он, увидев машину гарнизона, неуклюже отдает честь. Мы проезжаем. Казармы. Плац. Все как везде, скучно, серо,

по-армейски.

Машина останавливается у здания штаба. Я беру книги в охапку, делаю глубокий вдох. Выхожу. Морозный воздух обжигает щеки. На крыльце меня уже ждет капитан Ильин, начальник кордона. Молодой, лет тридцати, с умным, нервным лицом.

— Вероника Аркадьевна! Честь имею! — Он слишком громко, слишком поспешно здоровается. Его глаза бегают, не встречаясь с моими. — Не ожидали вас... с книгами! Очень приятно! Пожалуйста в штаб, согреетесь!

В его суете — напряжение. Как у провинившегося курсанта. Он боится. Но не меня. Он боится чего-то другого.

— Спасибо, капитан, — мой голос звучит спокойно, почти ласково. Я протягиваю ему книги. — Это для вашей библиотеки. Артем Викторович просил передать.

— Благодарствуйте! Передайте генералу нашу глубочайшую... — он начинает заученную речь, но в этот момент рев мотора режет воздух.

Мы оборачиваемся. На плац въезжает знакомый темно-зеленый «УАЗ». Его «УАЗ». Номера я узнаю с закрытыми глазами. Сердце на секунду замирает, а потом начинает биться еще громче, еще мернее. Не страх. Адреналин. Охотничий азарт.

Машина проезжает мимо нас. За рулем — его водитель, суровое каменное лицо. А на заднем сиденье... силуэт. Высокий, в форме, в фуражке. Он сидит, откинувшись, смот-

рит вперед. Не поворачивает головы. Не замечает нас. Или делает вид.

«УАЗ» не останавливается у штаба. Он медленно, будто нехотя, проезжает мимо плаца и сворачивает налево, где начинается узкая, укатанная грунтовка, уходящая вглубь леса.

— Это...генерал? — спрашиваю я, и голос мой звучит ровно, с легкой, подобающей жене долей любопытства.

Капитан Ильин бледнеет. Буквально. Пепельная тень ложится на его щеки.

— Да, это... товарищ генерал. Он... инспектирует... новые оборонительные рубежи. В лесном массиве. Секретный объект. — Он выдавливает слова, глотая слюну. — Вы... вас, наверное, не предупредили? Он будет занят до вечера, наверное.

Секретный объект. В лесу. Куда ведет дорога, больше похожая на охотничью тропу.

Я смотрю туда, где скрылась машина. Сосны сомкнулись за ней. Тишина. Только ветер шумит в вершинах.

— Ничего страшного, — говорю я, и улыбаюсь. Самая естественная, самая безмятежная улыбка за всю мою жизнь. — Я как раз не хотела его отвлекать. Передайте ему, когда будете докладывать, что книги я доставила. И... что я его жду к ужину.

— Так точно! Обязательно передам! — капитан почти выдыхает от облегчения. Ему плевать на книги. Он рад, что я

не задаю больше вопросов.

Я стою еще минуту, делая вид, что люблю суровой красотой этого места. Дышу морозным воздухом.

Я не иду по дороге к КПП. Я поворачиваю назад, на плац, и иду вдоль забора из профнастила, за которым начинается лес. Грунтовая дорога должна где-то здесь выходить из чащи. Я ищу следы шин на снегу. Вот они — свежие, глубокие, от внедорожника. Они ведут в сторону от плаца, огибая штабное здание сзади. Я иду по ним. Ноги проваливаются в снег выше щиколотки, подкладка дорожных сапог моментально промокает. Мне все равно.

Я иду в лес. Сосны смыкаются над головой, поглощая дневной свет. Тишина становится густой, звенящей. Только хруст снега под ногами и стук собственного сердца. Я не думаю о том, что делаю. Не думаю об опасности. Есть только эта дорога, эти следы и жгучая, всепоглощающая потребность увидеть.

Дорога петляет между деревьями, поднимается в горку. Я иду, задыхаясь, пар клубится перед лицом. Проходит десять минут, пятнадцать. Я уже готова поверить, что дорога ведет в никуда, что я сейчас заблужусь и замерзну, как дура, но тут деревья расступаются.

И я вижу.

Не военный объект. Не бункер. Не антенное поле.

Я вижу дом.

Небольшой, но крепкий бревенчатый сруб, явно недавно

построенный. Резные наличники на окнах. Теплый свет в стеклах, несмотря на день. Из трубы валит густой, жирный дым. А перед домом... перед домом детская площадка. Деревянная горка, качели. И на этих качелях...

На этих качелях сидит мальчик.

Ему лет шесть. Темноволосый. В ярко-синем пуховике и шапке с помпоном. Он раскачивается, и счастливый, звонкий смех разрывает лесную тишину. Такой смех, которого никогда не было в наших стерильных, вымороженных апартаментах.

А за спиной у него, раскачивающий качели большими, сильными руками, стоит он.

Мой муж. Генерал-лейтенант Артем Леонтьев.

Он без фуражки, в расстегнутой полевой куртке, из-под которой виден простой серый свитер. На нем нет ни орденов, ни звезд, кроме тех, что горят в его глазах. Он улыбается. Не той сдержанной, официальной улыбкой, которую я видела последние годы. А широкой, искренней, растягивающей губы и образующей лучики у глаз. Он что-то говорит мальчику, и тот заливается новым смехом.

Я замираю за стволом толстой сосны, в двадцати метрах от них. Руки цепенеют. В горле стоит ком. Я не дышу. Я просто смотрю. Пью эту картину, этот уют, эту простую, дикую, незаконную радость глазами, которые начинают предательски жечь.

Мальчик спрыгивает с качелей и бросается к нему, обни-

мая за ноги. Артем наклоняется, легко, как перышко, поднимает ребенка на руки, сажает себе на плечо. Мальчик верещит от восторга, хватается за его коротко стриженные волосы.

— Пап, выше! Подними выше!

— Держись крепче, капитан! — его голос, обычно такой стальной, сейчас мягкий, теплый, игривый. Он делает вид, что спотыкается, и мальчик визжит еще громче.

Я смотрю на его лицо, на это сияющее, счастливое лицо предателя. На широкие плечи, которые никогда не были для меня опорой, а теперь служат тронem чужому сыну. Каждый мускул его тела, каждая морщинка улыбки — знакомы мне до боли. И абсолютно чужды. Это другой человек. Тот, кого я никогда не знала. Тот, кто, оказывается, умел смеяться, играть, любить.

Дверь дома открывается, и на крыльцо выходит женщина. Молодая, лет двадцати пяти. Простая, миловидная, с длинной русой косой и в переднике. Она улыбается, смотрит на них с такой нежностью, что у меня сводит желудок.

— Артем, Сашенька, идите обедать! Ушица готова! — кричит она.

Артем. Не «товарищ генерал». Не «генерал». Артем.

— Слышишь, капитан? Боевая задача — на обед! — он снимает мальчика с плеч, ставит на снег, и тот бежит к дому. Сам он обнимает женщину за плечи, целует в висок. Быстро, но с такой интимной непринужденностью, от которой у меня

перехватывает дыхание. Она смеется и затаскивает их обоих в дом.

Дверь закрывается. Я остаюсь одна. В лесу. За деревом. С мокрыми ногами, ледяными руками и душой, разорванной в клочья.

Тихо. Так тихо, что слышно, как падает снег с ветки. Где-то далеко стучит дятел. А в доме, за окном, видна их тень. Они садятся за стол. Семья.

Я медленно, как автомат, отрываюсь от дерева. Разворачиваюсь. Иду обратно по своим следам. Ноги тяжелые, ватные. Снег уже не хрустит, а хлюпает. Я не плачу. Слезы замерзли где-то внутри, превратились в острые осколки, которые режут мне все нутро.

Я выхожу из леса на плац. Прохожу мимо удивленного часового. Иду по дороге к КПП. Мысли разрозненные, обрывочные.

Семья.

Обед.

Ушица.

Пап.

Артем.

Капитан.

На КПП меня уже ждет та же машина. Водитель открывает дверь, видит мое лицо.

— Вероника Аркадьевна, вам плохо? Вы замерзли!

— Домой, — говорю я одним словом. Сажусь. Отворачиваюсь к окну.

Мы едем. Лес, дорога, гарнизон. Все плывет в серой пелене. В голове стучит только одно: Что теперь? Что теперь? Что теперь?

Машина останавливается у нашего дома. Я выхожу. Поднимаюсь по лестнице. Открываю дверь ключом. В прихожей пахнет полиролью и пустотой. Его пустотой. Моей пустотой.

Я снимаю пальто, мокрые сапоги. Иду в гостиную. Падаю в кресло. Смотрю в огромное окно на темнеющий плац.

Там, в лесу, в теплом доме, они пьют ушницу. Он смеется. Она поправляет ему волосы. Мальчик что-то рассказывает, размахивая ложкой.

А здесь, в этом холодном, идеальном, генеральском доме, сижу я. Его законная жена. Украшение. Призрак. Дура, которая пятнадцать лет верила в сказку про героя.

Я закрываю глаза. Вижу его улыбку. Такую живую. Такую настоящую.

И тогда внутри меня что-то щелкает. Не сломалось.

А включилось.

## Глава 3

Вечер. Я сижу в гостиной, в кресле напротив камина. В руках у меня — тот самый листок.

Слышу, как хлопает входная дверь. Его шаги в прихожей — тяжелые, размеренные, властные. Он сбрасывает шинель, вешает фуражку. Звуки, знакомые до боли. Звуки моего тюремщика.

Я не встаю. Сижу и жду. Смотрю на пламя в камине. Оно такое же холодное, как и всё во мне сейчас.

Он появляется в дверном проеме. Все еще в парадном кителе после какого-то вечернего совещания. Высокий, монументальный, залитый золотом орденов и нашивок. Его лицо в полумраке комнаты кажется высеченным из гранита — высокий лоб, тень от длинных ресниц, падающая на резкие скулы, твердая линия сомкнутых губ. Он смотрит на меня, и в его серых, стальных глазах — привычная усталость и легкое раздражение. Как на сломанный, но все еще полезный прибор.

— Ты не в спальне? — его голос низкий, бархатный, без вопроса. Констатация. — У меня завтра рано выезд. Не засиживайся.

Я поднимаю на него глаза. Не встаю. Просто поднимаю руку с листком.

— Я нашла это сегодня, Артем. В твоём парадном кителе.

В потайном кармашке.

Я протягиваю рисунок. Моя рука не дрожит. Она каменная.

Он замирает на секунду. Потом медленно, слишком медленно, подходит. Берет листок из моих пальцев. Его большая, теплая рука касается моей кожи на миг. От этого прикосновения меня чуть не выворачивает.

Он смотрит на кораблик. На кривые буквы. Его лицо не меняется. Ни тени удивления, испуга, стыда. Только... легкая брезгливость. Как будто ему подали что-то не совсем свежее.

— Сентиментальный хлам, — произносит он наконец. Голос ровный, холодный, как лед на Неве в январе. — Ты разучилась следить за моей формой, Вероника? В карманах не должно быть постороннего мусора. Особенно перед инспекцией.

Он говорит это. Он говорит это так. Будто это просто оплошность хозяйки. Будто на листке нарисована абстрактная каракуля, а не крик его предательства.

Я смотрю на него, не веря своим ушам. Но внутри — не взрыв. Только лед становится еще тверже, еще острее.

— Это не мусор, Артем, — мой собственный голос звучит странно спокойно. — Это рисунок твоего сына. Того, что живет с тобой и какой-то Валец в лесу, на кордоне «Скала». Того, для которого ты построил дом под видом «хозяйствен-

ного объекта».

Я произношу это. Вслух. Впервые. Слова висят в воздухе, острые и тяжелые, как гильзы.

Он не моргает. Не отводит взгляд. Он смотрит на меня так, будто я только что сообщила ему о погоде. Потом его губы растягиваются в чем-то, отдаленно напоминающем усмешку. Без единой капли тепла.

— Я вижу, ты не только за формой недосмотрела, но и за собственным психическим состоянием. Лес. Дом. Сын. — Он качает головой, с легким, почти отеческим разочарованием. — Тяжело тебе дался переезд сюда, Вероника. Или возраст. Гормоны.

Он поворачивается спиной, подходит к камину. Поднимает крышку коробки для розжига. Бросает туда листок. Без сожаления. Без даже тени эмоций. Бумага вспыхивает на мгновение ярким пламенем, чернеет, превращается в пепел.

Я смотрю, как сгорает доказательство. И понимаю, что он только что сжег не бумажку. Он сжег наши последние пятнадцать лет. Надежду. Даже ту жалкую надежду на то, что он хотя бы попытается что-то объяснить, оправдаться.

— Ты думаешь, сжег улику? — спрашиваю я. Голос все так же ровен. — Она у меня в голове, Артем. Я видела его. Видела тебя с ним. Видела твою улыбку. Такой улыбки у тебя никогда не было для меня. Я ТРЕБУЮ РАЗВОД И РАЗДЕЛ ИМУЩЕСТВА!

Он медленно оборачивается. И теперь в его глазах появ-

ляется что-то новое. Не гнев. Холодное, безразличное презрение.

— Ты перешла грань, Вероника. Грань дозволенного. — Он делает шаг ко мне. Его фигура заслоняет свет от камина, бросая на меня огромную, поглощающую тень. — Ты не только шпионила за мной. Ты теперь строишь бредовые теории. Это уже не истерика. Это — угроза безопасности. Моей. И части.

Он не кричит. Он говорит тихо, мерно, с той невероятной, гипнотической убедительностью, с которой отдает приказы тысячам людей. И в этой тишине — больше угрозы, чем в любом крике.

— Что ты собираешься делать? — спрашиваю я, все еще сидя. Поднимаю на него лицо. — Убить меня? Как в плохом детективе?

Он смотрит на меня, и в его взгляде читается чистейшее, почти научное раздражение.

— Не будь мелодраматичной. Убийство — грязно, неэффективно и привлекает ненужное внимание. — Он поворачивается к столику у дивана, где стоит служебный телефон с прямой связью. Поднимает трубку. Набирает короткий номер. — Это Леонтьев. Ко мне. Немедленно.

Он вешает трубку. Смотрит на меня.

— Ты больна, Вероника. Нуждаешься в изоляции и лечении. Для твоего же блага. И для сохранения государственной

тайны, к которой ты, как моя жена, имела неосторожный доступ. Тебя поместят в камеру гауптвахты. На сутки. Пока не приедет комиссия из военного госпиталя и не оценит твое состояние.

Я сижу и смотрю на него. Слушаю, как он, хладнокровно, методично, строит мне тюрьму из слов. Под предлогом заботы. Под предлогом долга.

В дверь стучат. Два раза. Четко.

— Войдите, — говорит он, не сводя с меня глаз.

В дверях появляются двое офицеров. Те самые, что утром на плацу отдавали мне честь, когда я привозила книги. Молодой лейтенант и более старший майор. Их лица напряжены, неловки. Они смотрят на генерала, а не на меня.

— Товарищ генерал-лейтенант!

— Моя супруга, — говорит Артем тем же ровным, бесстрастным тоном, — находится в состоянии острого нервного расстройства. Возможны попытки шантажа, повреждения секретных документов или членовредительства. Ваша задача — обеспечить её безопасную изоляцию в камере №3 на гауптвахте до прибытия врачей. Без применения силы, если не будет сопротивления. Это приказ.

Офицеры замирают. Майор бросает на меня быстрый, полный неловкой жалости взгляд. Но он — солдат. Приказ для него — закон. Особенно приказ Леонтьева.

— Товарищ генерал-лейтенант, разрешите... — начинает майор.

— Не разрешаю дискуссий, — голос Артема становится на полтона ниже. И в нём появляется та самая сталь, которая сгибает волю. — Исполняйте.

Он разворачивается и уходит из гостиной. Его шаги удаляются по коридору. В кабинет. Он даже не обернулся.

Я сижу и смотрю на офицеров. На их смущенные, покорные лица. На мою тюрьму в погонах.

— Вероника Аркадьевна... — тихо говорит майор. — Пожалуйста... не усложняйте. Просто... пройдемте с нами.

Я медленно поднимаюсь с кресла. Ноги слушаются. Я выпрямляюсь. Поправляю складки на своем простом шерстяном платье. Я не плачу. Не кричу. Не сопротивляюсь.

Я просто смотрю туда, куда ушел мой муж. И понимаю окончательно и бесповоротно.

Это — война. И он только что сделал первый выстрел. Холодный, расчетливый, абсолютно законный в его вселенной.

— Хорошо, — говорю я тихо. — Я готова.

Я прохожу между офицерами. Они фланкируют меня, как настоящего преступника. Мы выходим из квартиры, спускаемся по лестнице. Садимся в служебную машину. Меня везут не в полицию, не в больницу. Меня везут в сердце его власти — на территорию части. В бетонное здание гауптвахты.

Меня проводят по длинному, пустому коридору с голыми стенами. Открывают тяжелую металлическую дверь с решетчатым окошком. Камера №3. Небольшая, чистая, пустая.

Койка, стол, унитаз. Решетка на единственном окне. Запах хлорки и отчаяния.

— Извините, — бормочет лейтенант, запирая дверь. Ключ поворачивается в замке со звонким, окончательным щелчком.

Я остаюсь одна. В полной тишине. Слышу, как их шаги удаляются. А приближаются новые, более грозные и тяжелые. Железная створка-окно в двери открывается, и я вижу волевой подбородок мужа.

- Вероника, подумай о своем поведении. Одумайся. Даю тебе всего лишь одну ночь, иначе будешь гнить в больничных стенах вечно!

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.